

ГЕОРГИЙ БАЖЕНОВ

**СЛОВО
О НЕУТЕШИМЫХ
ЖЕНАХ**

СКАЗАНИЯ

Москва

«Книга по Требованию»
2014

ББК 84(2Рос-Рус)6
Б 16

Баженов Г. В.

Б 16 Слово о неутешных женах. *Сказания.* — М.:
Книга по Требованию, 2014. — 352 с.

ISBN 5-7117-0125-8

«Слово о неутешных женах» — это страстное слово писателя Георгия Баженова в защиту любви, самоотверженности, искренности и правды человеческих отношений. Слово пронзительное, поэтичное и глубокое!

Манера автора — в органичном сочетании бытовой и психологической достоверности с напряженностью социально-нравственного поиска.

Читайте и наслаждайтесь, дорогие друзья.

ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 5-7117-0125-8

© Баженов Г. В., 2006

© Издательство

«Книга по Требованию», 2014

ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ ЛЮБВИ

I

На Урале, в поселке Северный, на улице Миклухо-Маклая, произошло невероятное событие: Дуся Комарова зарезала мужа. Дело было так: Коляй вернулся домой, Дуся сидит за столом с двумя мужчинами. Одного, естественно, Коляй хорошо знал — это был их участковый, старшина милиции Павлуша Востриков, второго Коляй видел впервые. По случаю получки Коляй был навеселе и мог бы, конечно, присоединиться к компании, но иногда его захлестывала ревность, тем более что основания для нее Дуся Комарова порой давала. Вот почему Коляй с порога завелся:

— Я сегодня в гости приглашал кого-нибудь или нет? — Ревность Коляя распространялась не столько на Павлушу Вострикова, сколько на незнакомого мужчину: тот был хорош собой, крупный, бородатый, с ясными глазами, с доброй улыбкой.

— Ты чего это? — напустилась на Коляя жена.

— Я не тебя спрашиваю. Я спрашиваю Павла Ивановича. Я приглашал вас сегодня в гости, Павел Иванович, или нет?

— Да ты садись сначала, — добродушно показал на стул Павлуша Востриков. — Сейчас разберемся...

— Так вот, в гости я вас сегодня не приглашал, — заключил Коляй. — А поскольку я сегодня выпил, то, как хозяин, не хочу, чтобы посторонние люди видели меня в собственном доме в нетрезвом виде.

— Ты смотри у меня, хозяин! — прикрикнула Дуся.

— Я ясно выразился или не очень? — гнул свою линию Коляй.

Павлуша Востриков переглянулся с незнакомым мужчиной. Зашли они не совсем просто так: Павлуша Востриков, если положить руку на сердце, хотел показать приятелю Дусю — во-первых, красавицу, во-вторых, красавицу, с которой в молодости водил амуры, в-третьих, почему бы не посидеть за хлебосольным столом, тем более и хозяин вот-вот должен вернуться с работы? А к нему у них было небольшое дело.

И вот — вернулся.

— Значит, выгоняешь? — набычился Павлуша Востриков.

— Выгонять — не выгоняю, а в гости сегодня я никого не приглашал. Или, может, за мной что темное водится? И вот вы пожаловали по мою душу?

— Нет, темного за тобой пока ничего не водится, — с угрозой в голосе, но и с обидой одновременно произнес старшина. Он особенно выделил вот это слово — «пока». — Пошли, Степаныч!

— Павел, Илья Степанович, куда вы? — заметалась Дуся Комарова. — Господи, нашли, кого слушать! Да я ему!.. — Она так сверкнула глазами в сторону Коляя, что в другой момент он наверняка поджал бы хвост. В другой — но не в этот. Коляю всегда хотелось одержать верх над Павлушей Востриковым, потому что Павлуша — власть, а Коляй — ничто, зато у Коляя есть красавица жена, Дуся, а у Павлуши — шиш с маслом. Так что в намерении сегодняшнем выставить Павлушу из собственного дома Коляй был тверд.

— Пошли! — Павлуша Востриков резко поднялся с табуретки, надел фуражку с околышем и, ни на кого не глядя, направился к выходу.

— Ну, бывайте здоровы, хозяйева! — Тот, которого называли Степанычем, тоже поднялся из-за стола, добродушно улыбнулся-усмехнулся и пошел следом за Павлушей Востриковым.

— Илья Степанович! Павел, ну ты-то! — пыталась еще остановить их Дуся Комарова.

— Идите, идите, не кашляйте! — вслед им торжественно-воинственно проговорил Коляй. — Да чтоб без хозяина в дом больше не шастали!

И когда гости вышли, в доме, естественно, воцарилась мертвая тишина. Тишина эта больше всего и насторожила Коляя.

— Вот так-то! — решительно, будто вбивая гвоздь по самую шляпку, крикнул Коляй.

Лучше бы, наверное, он совсем ничего не говорил, потому что после его слов Дуся взвилась как ненормальная.

— Ты это что тут раскомандовался? Ты что это себе позволяешь? Люди пришли как люди, посидеть, поговорить, а ты, как пес шелудивый, с рычаньем на них? Позорить меня вздумал?! Налил шары бесстыжие — и на людей бросаться?! Да я тебе...

— Молчать! — вдруг истошно, непохожим на себя голосом взвизгнул Коляй.

— Что-о?.. — Дуся поднялась в своем крике на одну ноту выше. — Что ты сказал? Ну-ка, повтори!.. — Уперев руки в крутые бедра, Дуся с грозной усмешкой пошла на мужа.

— Молчать, потаскуха! — Коляй в неистовстве затопал ногами.

— Это я — потаскуха?! Я, Дуся Комарова, мать твоих детей, — потаскуха?! Я, которая день и ночь колотится по дому, которая света белого не видит, чтоб вас, засранцев, обстирать, накормить и чистыми спать уложить, я — потаскуха?! Я, которая себя не помнит, я, которая всю себя положила, чтобы вам... да я... и это я — потаскуха?!

— Ты, ты потаскуха! — Коляй и не думал отступать. — Мало в девках гуляла, мало мужиков через себя пропустила, так еще и теперь с Пашкой шашни заводишь? Думаешь, не знаю про ваши амуры? Думаешь, не понимаю, чего он к нам шастает? Мало — сам ходит, так еще одного кобеля за собой тащит? Жить тошно, на вас глядячи, бесстыжие вы рожи!.. Стерва ты, стерва, потаскуха, сучка подколесная!..

Тут Дуся будто споткнулась, остановила свой шаг, опустила руки с бедер, зашарила ими

по фартуку, словно ища чего-то, но, не найдя, стала оглядываться заполошным взглядом по сторонам. И тут она увидела нож. Метнувшись как кошка к столу, за которым только что сидели гости и сидела она сама, на котором еще дымилась картошка, сахаристо поблескивали четырехгранники нарезанных помидор, стояли недопитые стопки, Дуся схватила огромный, острый как бритва нож и с отчаянным воплем бросилась на мужа.

Этого, пожалуй, он не ожидал. Дуся, конечно, всегда отличалась горячностью, диким нравом, безрассудством, за что ее и любили мужики, за что когда-то полюбил ее и Коляй, но чтобы броситься на мужа с огромным кухонным ножом — этого Коляй не ожидал. Что и сыграло решающую роль. Не готовый к отпору, Коляй не удержался на ногах (Дуся налетела на него как ветер) и опрокинулся навзничь, на спину. Дуся навалилась на мужа.

— Ах, так я потаскуха!? Я стерва!? Я сучка подколесная!? — И пыталась полоснуть ножом по горлу.

Сопrotивляясь, Коляй хватался обеими руками, голыми ладонями за лезвие ножа, не чувствуя и не обращая внимания, как боль обжигает пальцы, из которых ручьями текла кровь; но руки — ерунда, хуже другое — Дуся сумела-таки полоснуть по горлу, и из глубоко надрезанной артерии Коляя трубой полилась кровь. Глаза Коляя подернулись поволокой, он медленно разжал руки, захрипел, хо-

тел сказать что-то, но, видно, не мог, и Дуся наконец осознала, что наделала, вытаращила в ужасе глаза и закричала истошным криком.

Этот-то крик и услышали Павлуша Востриков со Степанычем — от дома они отошли всего ничего — и бросились к Комаровым. Павлуша как профессионал ворвался в дом первым: на полу, залитый кровью, лежал Коляй, над ним на коленях, с ножом в руке, с безумно расширенными зрачками, стояла Дуся.

Коляй был мертв. Хотя и лежал с открытыми, молодыми, удивленными глазами.

До суда Дусе Комаровой разрешили жить дома.

Каждый день, повязавшись черным платком, прихватив с собой узелок, Дуся отправлялась на кладбище. Она ходила туда одна, детей с собой не брала (слава Богу, в день убийства дети были не дома — у бабушки). К тому же Дуняшка, тринадцатилетняя дочь, перестала разговаривать с матерью, кусала губы и отворачивалась, о чем бы и что бы ни просила Дуся; Гошка, пятилеток, никак не мог взять в толк, что отца нет, что он умер, умер насовсем, и хуже того — его убила сама мать; он то таращил на всех глаза, то хныкал: «Я хочу к папке... я к папке хочу...» — и никто ничего не мог сказать ему утешительного, кроме: «Ничего, брат Гошка, ничего, крепись... глядишь, вырастешь — папку заменишь, поймешь тогда жизнь, ох поймешь...»

Дуся приходила на кладбище, снимала с головы платок, ветер подхватывал ее красивые, ставшие, быть может, еще более красивыми — от густо охватившей седины, — волосы, садилась в ногах Коляя, развязывала узелок, посыпала по всей могиле пшена, хлебных крошек, ломаного печенья, дешевой карамели или конфет-горошка. В этом году Коляю исполнилось тридцать семь лет, но с фотографии он смотрел совсем молодой, просто не было других фотографий, и дело не только в том, что на фотографии Коляй выглядел молодым, дело в другом — он казался каким-то чужим, отдаленным, непривычным. Никак не могла Дуся вспомнить его таким, вот недавнего, прошлогоднего, позапрошлогоднего, помнила: добрый, тихий, слова громкого не скажет. Разве если приревнует... И Дуся плакала. Конечно, если б знать, что так все обернется, разве б давала она повод Коляю ревновать... Она смолоду зацвела яркой девкой, беспшабашной, отчаянной, парни так и вились вокруг нее, сначала — парни, потом — мужики, да серьезного-то ничего не было, ну, разве три-четыре случая, тот же Пашка Востриков или залетный моряк Роман Слепнев, а так больше никого, особенно когда дети пошли — Дуняшка, Гошенька... Дуся сидела на могиле и, плача, не столько жаловалась, сколько, казалось, спорила с Коляем: нет ее вины в случившемся... «Хотя как же нет, как же нет! — причитала она и с новой силой заливалась слезами. — Ведь собственными руками — вот этими,

вот! — тут она с отчаянием, до боли, до крови кусала свои ладони, — зарезала его, отправила на тот свет, горемычного моего... единственного... кормильца единственного...»

И так каждый день сидела Дуся Комарова на могиле мужа и изводила себя слезами.

Когда схоронили Коляя, Дуся посадила напротив себя Дуняшку, которая прятала глаза от материнского растерзанного взгляда, и хриплым голосом (от постоянного надсадного плача) наказала дочери:

— Дуняша, посадят меня, так ты забери Гошика, и идите жить к Марусе. Я с ней договорилась...

«Как же, пойду... разбежалась...» — думала тринадцатилетняя Дуняшка, а вслух ничего не говорила, отворачивалась от матери.

— Слышишь мать-то? Нет? — продолжала Дуся. — У Маруси пока подрастете, а там и я вернусь. Мне долго сидеть нельзя, мне вас на ноги поднимать надо...

«Ага, нас поднимать... Папку зарезала, теперь про нас вспомнила... И к Маруське твоей не пойду, к бабушке убежим!»

Родная сестра Дуси — Мария — жила на соседней улице; Коляя она не признавала, ругала и Дусю, что вышла за такого пентюха замуж. Не особо привечала Коляя и мать Дуси с Марусей — Варвара Карповна, но той давно не было в живых, а Маруся была жива, ох, да еще как жива была, любила сытно поесть, красиво нарядиться да позубоскалить над